

Часть первая

19 октября 2019 г.

Вы знаете, как горит прошлое?

Я намереваюсь узнать. Сразу после похорон. Прости, мы были счастливы вместе, пусть и недолго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сегодня снова случилось так, что Лера бегала по лесу, вырывала себе ногти, чтобы избавиться от налипшей влажной грязи, и, стоя перед зеркалом в ванной комнате, сдирала с век наросты гноя.

При этом она тихонько напевала колыбельную, вьезшуюся в подкорку сознания. Не могла остановиться:

— Только месяц не спит, тихо в окошко глядит...

Бу-бу-бу коготками боли по горлу и сквозь потрескавшиеся губы. Как избавиться от навязчивой мелодии, не подскажете?

В этом страшном сне ее схватили за запястье, и мужской голос прошептал знакомое: «Валерия, милая моя, последний кадр, хорошо? Кричи изо всех сил, будто это самый лучший секс в твоей жизни. Мы договорились? Договорились? Не испорти ничего, пожалуйста».

А она знала, что испортит.

Проснулась, как обычно, резко и с надрывом, будто только что прыгнула с крыши и вот приземлилась в собственной кровати.

Умылась. Приготовила завтрак. Процессы, позволяющие существовать.

Кофе оказался чуть горьковатым. Овсяная каша, как всегда, переварилась и слиплась. Надо бы купить свежее молоко, но для этого придется выползть из дома. Лера не любила утро и патоку солнечного света, разъедающую глаза. Не любила людей. Предпочитала ночные покупки, сразу после рабочей смены. Ночью в магазинах пусто, тихо и не так жарко. Идеальное время, чтобы сойти с ума.

За чашкой кофе неторопливо листала старый потрепанный сонник, давно валяющийся на подоконнике (буква «О», страницы сто девяносто девятая — двести пятнадцатая, непослушные жирные листики, которые сложно быстро листать). Завибрировал телефон.

По утрам ей звонила только мама. Маме скоро исполнялось шестьдесят три, ее мучила бессонница, по ночам она вязала и смотрела бесконечные новости, а часов в семь набирала номер младшей дочери, чтобы пересказать последние события, творящиеся в мире. Теракты, происшествия, визиты одних президентов к другим, результаты футбольных матчей, кассовые сборы очередного супергеройского фильма — менялись имена и цифры, но не суть новостных лент. Очень редко она звонила по другим причинам: просила помириться с папой (не будет этого никогда!). Или жаловалась, что среди ночи к ее дому снова приходила Настя и заглядывала в окна. От Насти спасали молитвы и

святая вода (а еще таблетки, но мама пила их редко, потому что не доверяла современной медицине).

Лера взяла трубку, прислонила к плечу ухом:

— Доброе утро.

За окном накрапывал октябрьский дождь — прекрасная погода, гармонирующая с Лериным настроением.

— Какое же доброе... — голос у мамы был тихий, сбивчивый, непривычный. — Ты новости еще не смотрела?

— У меня нет телевизора, мам.

— А Интернет? Ты новости в Интернете не читаешь? Посмотри скорее...

— Что-то случилось? — Лера отложила сонник, загнув уголок страницы на нужном месте. Выдохнула: — С папой?..

Почему-то каждую неприятную новость она ассоциировала с отцом. Казалось бы, не общались толком много лет, но случись что — мысли сразу сворачивали к нему. Глыба семьи, центр притяжения, иначе никак.

— С папой все в порядке... — пробормотала мама. — Денис умер.

Она замолчала, видимо, ожидая, что Лера как-нибудь отреагирует. А Лера не могла отреагировать. У нее перехватило дыхание.

— Денис, который муж твоей сестры, — подытожила мама. — Представляешь? Тридцать четыре года. Молодой еще совсем. Вот уж не ожидала. Здоровый был, бегал, качался, что там еще? Никогда бы не подумала, чтобы... Бедная Ната. Счастливая семья, и тут вдруг раз, и... Вы, конечно, мало общались... Но ты знаешь, я должна была позвонить, одна семья все же, близкие люди...

— Мам...— Лера поняла, что сейчас начнет тараторить, как всегда, и поспешно прикусила губу.— Я позже перезвоню. Мне надо посмотреть в новостях, хорошо? А у меня с телефона... Мне надо отключиться. Я позже, обещаю. Не обижайся. Позже наберу.

— Как же так...— сказала мама негромко, будто не слышала.— Бедная девочка, такое горе. Что же за проклятие такое на вас, доченьки мои...

Лера оборвала связь. Сон в руку, как ни банально. Иногда жизнь вообще очень предсказуема.

Полезла в Интернет. Прочитала заметку, однотипно мелькающую в лентах местных новостных агрегаторов.

Сухо и кратко: Денис Попов, тридцать четыре года, предприниматель, найден мертвым утром в двух кварталах от своего дома. Следов насильственной смерти не обнаружено.

Денис вышел утром из дома, одетый в шорты и футболку. Еще не взошло солнце, было серо и по-осеннему тоскливо. Как говорится, в такую погоду бегают только отъявленные негодяи и зожники. И вот он бежал, делал паузы, переходил на шаг, снова бежал, сверялся с трекером на запястье — модным японским дорогим трекером, который отмерял пульс, считал километраж, подгружал маршрут, а еще подавал сигналы, когда следовало отдохнуть или выпить воды, и даже советовал, как часто надо дышать. Модная штука, которая не умела одного — предсказывать сердечный приступ.

А потом Денис упал в двух кварталах от дома и умер. Дождь капал ему на лицо, попадал в глаза и на губы. Или, может, Денис лежал на животе, и капли стучали по его затылку. Надо бы найти фотогра-

фии, сохранить на флешку, оставить закладки на память, на будущее.

Лера моргнула и поняла, что сидит без движения уже несколько минут. Занемела рука, держащая кружку с кофе на полпути ко рту. Под кожей бегали болезненные мурашки.

Второй рукой Лера неосознанно брала из сахарницы кубики рафинада и складывала их пирамидкой на краю стола. Наверняка для того, чтобы потом убрать в карман халата, как делала много лет назад, еще до лечения в психоневрологическом диспансере.

Чертыхнулась. Отставила кружку и сделала несколько кругов по кухне.

Это как же — умер? Денис, здоровяк и спортсмен, рубаха-парень, жизнерадостный и пробивной, целеустремленный, общительный... Сколько там еще хороших эпитетов она могла накидать?.. Нежный, ласковый, тихий, мягкий, близкий.

Бесконечно близкий.

...Лера выплакалась минут за десять. Достала пузырек успокаивающего, высыпала три пилюли (по рецепту положено принимать одну в день, но сейчас-то какая разница?), проглотила, запив остывающим кофе. Взяла со стола пару кубиков сахара и как есть, в ночном халате и тапочках, вышла из квартиры.

В старом подъезде на всех этажах воняло мочой. Сквозь замызганные, покрытые паутиной окошки на лестничных пролетах тянуло холодом. Кто-то привязал к батарее около почтовых ящиков велосипед, и у этого велосипеда уже не было переднего колеса.

Лера вышла на улицу, под осенний ветер и накрапывающий дождь. Лето боролось с осенью, упорно отстаивая периметр. Впрочем, бой оно уже проиграло. Вокруг шумели деревья, район был хорошо засажен еще с конца прошлого века — панельные пятиэтажки летом тонули в зелени, а сейчас оказались завалены гниющими листьями. Через дорогу раскинулась небольшая и неухоженная парковая зона, где чуть ли не раз в месяц находили очередного окочурившегося наркомана. В этой же парковой зоне, ближе к обочине дороги, выстроились ларьки с шаурмой, сигаретами, газетами. Она направилась туда.

Знакомый продавец дал ей в долг пачку сигарет и зажигалку. Лера тут же закурила, прикрыв глаза от краткого удовольствия. Попыталась понять, от чего ей прямо сейчас стало вдруг лучше: таблетки подействовали или никотин заставил выбросить очередную порцию дофамина? Возможно, и то и другое.

— Я в заднице, — сказала Лера самой себе.

В кармане завибрировал телефон. Она выудила его и увидела на экране лицо Дениса. Он улыбался на этой фотографии: уверенный, молодой, чуть небритый. В черных очках отражалась Лера — если приглядеться.

Номер был рабочий. Денис не звонил ей с домашнего, а рабочий телефон не приносил домой. Он оставлял его в машине. В багажнике. В аптечной коробке. В офисном портфеле.

А где лежал телефон сейчас?

Соединение.

— Алло?

В трубке молчали.

— Алло? — переспросила Лера, чувствуя, как холодеет в затылке.— Кто это? Ответьте. Это по работе? Алло?

Связь оборвалась. Лера несколько секунд разглядывала погасший экран, на котором распустилось несколько капель дождя.

Когда она перезвонила, телефон был уже отключен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В салоне было душно, но зябко. Не работал кондиционер. Зато жарил подогрев сидений.

— Я сдохну где-нибудь на обочине дороги, как настоящий контркультурщик, — сказал Пашка.

Он развалился на заднем сиденье автомобиля и, приоткрыв окно наполовину, курил. Судя по запаху — самокрутку с каким-то дорогим табаком. Пашка презирал сигареты, точно так же, как презирал готовый фарш, молотый кофе и презервативы. Про последнее Лера знала особенно хорошо.

Одет Пашка был в потертую камуфляжную форму со значками на груди («За любовь и верность», «Против войны», «Панки живы!»), с выцветшей георгиевской ленточкой, приколотой к нагрудному кармашку. Пашка старательно поддерживал образ матерого, выдавшего виды мужика, того самого, который ходил на медведя с голыми руками, отлично разбирался в оружии и ориентировании на местности, в общем, отлично подготовился к возможному апокалипсису. Образ ему шел. С оговорками.

Именно он, многолетний друг, вытряхнул Леру из тесной коробки квартиры, уговорив съездить на похороны. Лера не хотела, да и не понимала: зачем ехать? Для чего? Но Пашка (всеведущий человек!) привел довод: вы были настолько близкими, что он

не простит, если не придешь. Впрочем, в загробную жизнь Пашка не верил, так что от его слов пахивало цинизмом.

Автомобиль тряхнуло на повороте, почти сразу пришлось объезжать перегородивший полдороги дряхлый ствол с гниющей шапкой листьев.

Лера вспомнила, что часто гуляла с Пашкой в лесу много лет назад. Почти сразу же после того, как выбралась из клиники и стала приучать себя жить обычной жизнью. Пашкина инициатива, кстати. Вправлять мозги и приводить в чувство он умел.

Каждую субботу в семь утра они выезжали из города в любую погоду, продирались сквозь тучи мошкары или отбивались от ветра. Тряслись от холода или изнывали от жары. Неизменно. Пашка называл эти походы «терапией» и терпеливо объяснял Лере нюансы прогулок по лесу, учил понимать местность, заставлял запоминать маршруты вокруг кооперативного поселка, где стоял дачный дом ее семьи, и не забывал напоминать, что это все ради ее же блага. «Чтобы вытащить из депрессии, понимаешь? Это лучше, чем сидеть без дела и пялиться в монитор». Пашка, как всегда, был прав.

— Тут налево, мать, — произнес он.

Лера свернула, проехала через небольшой пролесок. Справа растянулись железнодорожные пути. На кладбище можно было попасть только по этой грунтовой дороге, параллельно которой вилась вытопанная сотнями ног тропинка.

Почти сразу за пролеском дорога заканчивалась — тянулись две колеи примятой травы. Еще через сотню метров начиналась гравийная стоянка. Туда Лера и свернула.

— Автобуса еще нет, рановато,— сказал Пашка, шурясь от редких лучей солнца, пробившихся сквозь низкие серые облака.— Как думаешь, под дождь попадем?

Лера припарковалась и тоже закурила. За ночь уже высосала штук пятнадцать сигарет и выпила четыре чашки крепкого кофе. В пять утра забылась быстрым сном, когда не разобрать, где явь, а где грезы, потом проснулась со знакомым ощущением безнадеги. Такое уже случалось раньше, и довольно часто, но нынешнее ощущение было самым сильным за год или даже два. Хотелось наглотаться таблеток и уйти в сновидения навсегда. Спасаясь от щемящего чувства, она выскочила на улицу и наворачивала километры на машине вокруг дома, пока не рассвело. Потом дозвонилась Паше и вывалила на него столько информации, сколько не вываливала, наверное, никогда. Он, стоит отдать ему должное, соображал быстро, втолковывал уверенно и как-то незаметно продавил ехать на похороны. Без него Лера бы не поехала.

— Я сильно влипла? — спросила она, поглядывая на Пашку в зеркало заднего вида.

О, эта спасительная привычка делиться с другом проблемами!

Он пожал плечами:

— Трахалась с мужем старшей сестры, с кем не бывает. Я не мастер утешать или вправлять мозги, да? Но я тебя хорошо знаю. После того, что случилось, трахайся с кем хочешь — никто не осудит.

Он имел в виду наркотики, депрессию, алкогольную зависимость, съемки в порно — длинный вонючий шлейф, тянущийся с две тысячи девятого года.

— Мне позвонили вчера с его рабочего телефона. Молчали в трубку.

Пашка неопределенно хмыкнул.

— Думаю, Ната в курсе. Если не знала раньше, то знает сейчас,— продолжила Лера.— А я приперлась на его похороны. Ты не представляешь, что у меня сейчас в голове.

— Упаси боже представить,— сказал Пашка.— Ты как каучуковый мячик, который бросили в комнату, полную стеклянной посуды. Я даже не знаю, жалеть тебя или нет.

— Не надо жалеть. Зачем ты меня вообще уговорил приехать?

Пашка пустил дым носом.

— Потому что вы родственники. Не скажу, что вы дружно и тесно общались, но есть такой странный парадокс в этом мире: смерть объединяет и уравнивает. Сечешь, о чем я? Когда ты валялась в клинике после смерти ребенка и нервного срыва, сестры приезжали к тебе. Когда Вика вляпалась в ту неприятную историю с мужем — вы тоже помогали. Все закономерно. Круговорот родственников в природе.

— У тебя самокрутка с коноплей?

— Нет. Просто немного выпил перед рассветом. Не думал, что ты позвонишь. Но суть проста: как бы кто себя ни вел, на кладбище все едины. Скорбь и слезы на лицах, неторопливые движения, мысли о смерти. Вон, смотри, первые похоронные ласточки.

Он кивнул в сторону тропинки. Из-за кустарника показалась пешая процессия — несколько пожилых людей, одетых в черное, элегантное. Дальние родственники Дениса или вроде того.

— Они печальны, потому что прожили долгую жизнь и понимают, что смерть близка. А чьи-то похороны — это еще один кирпич в их дороге на ту сторону.

— Ты меня вгонишь в еще больший стресс.

— Моя дорогая, стресс — это реакция организма на что-то новое. Так что переживешь.

— Уж поверь, я постараюсь.

Лера вышла из салона во влажную духоту осеннего утра. Свет был рассеянный, тяжелый, от него болели глаза. Ощущалось скорое начало грозы. Пожилые люди — две бабушки и дедушка — помахали ей. Она ответила.

Невыносимо захотелось уехать. Как поведет себя Ната? Как поведет себя сама Лера, когда увидит Дениса в гробу?

В ее воспоминаниях он застыл на пороге квартиры, посылая привычный, почти традиционный воздушный поцелуй на прощание. Кто же знал, что они действительно видятся в последний раз?

Пашка тоже выбрался на улицу, тяжело дыша, не выпуская из пухлых губ самокрутку. Когда-то он был качком, мечтой всех девчонок из местного юридического института, холемым парнем с модной стрижкой, умным и начитанным — на коне! Сейчас он мог соблазнять разве что библиотекарш. У него появилось пивное брюшко, нависающее над портупеей, постоянно краснели щеки, была одышка, а еще из горла то и дело вырывался хриплый кашель, как у туберкулезника. Острый ум, конечно, остался. Но кто его ценит в современном обществе?

— Напомни: когда ты забросил тренировки? — спросила Лера.

— Как только понял, что смысл жизни в другом. А ты все еще бегаешь по утрам?

— Иногда надоедает. Но стараюсь держать себя в тонусе.

— Смотри! Главная процессия.

Из пролеска, громыхая, выкатил зеленый гла-застый ПАЗ. Следом за ним еще несколько машин. Лера увидела черный «лексус» Дениса. Формально он принадлежал жене, но Денис любил хвалиться, что куплен автомобиль на его деньги. Теперь вот жизнь расставила все по местам.

ПАЗ с хрустом заехал на гравий, сделал полу-круг, остановился боком к сторожке. Сразу нача-лась какая-то размеренная, неторопливая суета. Из автомобилей высыпались люди — все в черном, тра-урном. Рабочие вытаскивали гроб, кто-то выудил из автобуса стулья и понес их за забор с колючей проволокой, лавируя среди надгробных плит и кре-стов. Кто-то стал вынимать пластиковые букеты и венки, развевающиеся ленты с надписями. Похо-роны всегда чем-то напоминают свадьбы. Только никто никуда не торопится.

Лера, вытянув шею, пыталась разглядеть лицо Дениса. А затем увидела Нату и отца.

Ната была в строгом темном платье, в темных же очках и в перчатках. Выглядела изящно, как буд-то приехала сниматься в кино.

«Макияж подбирала полночи,— подумала Лера отстраненно.— Чтобы выглядеть идеально».

Ната медленно повернулась к ней. Острый подбородок, тонкие губки, откорректированный замечательный носик. Лера взмахнула рукой, улыбнулась, хотя тут же поняла, настолько глупо и нелогично выглядят и взмах, и улыбка. Ната не